

НАЛОГИ, ПОВИННОСТИ И ПЛАТЕЖИ КРЕСТЬЯНСКИХ ХОЗЯЙСТВ ЦЕНТРАЛЬНОГО ЧЕРНОЗЕМЬЯ В ПОРЕФОРМЕННЫЙ ПЕРИОД

А.В. ПЕРЕПЕЛИЦЫН

*Воронежский
государственный
педагогический
университет*

В статье анализируется уровень налогообложения крестьянских хозяйств Воронежской, Курской, Орловской и Тамбовской губерний в 60–90-е гг. XIX в. Рассматривается структура, размеры, практика взимания налогов, величина недоимок, оценивается воздействие налоговой политики на развитие крестьянского хозяйства.

Ключевые слова: крестьянское хозяйство, налоги, повинности, платежи, налоговая задолженность

Крестьянство являлось основным и самым многочисленным податным сословием. Добиваясь укрепления своей финансовой мощи, государство установило для взимания с крестьян сложную систему разнообразных прямых (казенные, земские, мирские, страховые) и косвенных налогов, выступавших в форме непосредственного обложения предметов потребления. Их своевременная и в полном объеме уплата представляла для многих крестьянских хозяйств непростую, порой трудно выполнимую задачу, для решения которой требовалось большое напряжение усилий всех членов семьи. На протяжении всего пореформенного периода крестьянство переживало все более усиливавшийся кризис платежеспособности. Опасность обложения сельского населения высокими и многочисленными платежами состояла, прежде всего, в изъятии тех средств, которые можно было использовать для развития аграрного производства и повышения уровня жизни российской деревни.

Земские переписи 1880–1891 гг. зафиксировали, что крестьяне в Воронежской губернии в год переписи уплачивали 4 148 028 руб. выкупных платежей и оброчных податей, 932 870 руб. государственного обложения, 1 002 765 руб. земских налогов, 1 227 302 руб. мирских сборов; в Курской губернии соответственно – 3 196 362 руб., 2 136 691 руб., 1 147 572 руб., 1 371 394 руб.; в Тамбовской губернии – 3 202 414 руб., 2 390 955 руб., 754 412 руб., 1 097 801 руб. Кроме того, курские крестьяне платили 641 073 руб. страховых сборов. Общая сумма недоимок составляла у воронежских крестьян 3 260 189 руб., а у тамбовских крестьян – 1 450 515 руб.¹ Как видим, размеры платежей, лежавших на крестьянском населении, были весьма значительными, не менее внушительными выглядели и недоимки.

Все прямые налоги разверстывались на надельную землю, при этом за официальную единицу обложения принималась мужская ревизская душа. Среди прямых налогов, уплачиваемых крестьянами в 1900 г., доминировали казенные платежи: 66,2 % годового оклада в Воронежской губернии, 65,1 % в Курской губернии, 67,0 % в Орловской губернии, 62,7 % в Тамбовской губернии. На втором месте находились мирские сборы (соответственно по губерниям 17,5 %, 19,1 %, 20,4 %, 21,4 %), несколько опережая по размерам земские сборы (соответственно по губерниям 16,3 %, 15,8 %, 12,6 %, 15,9 %). Расчеты показывают, что в среднем на десятину крестьянской земли в 1900 г. приходилось в Воронежской губернии 1 руб. 96 коп. прямых платежей, в Курской губернии – 2 руб. 86 коп., в Орловской губернии – 2 руб. 54 коп., в Тамбовской губернии – 2 руб. 63 коп., а на мужчину рабочего возраста соответственно 12 руб. 1 коп., 12 руб. 69 коп., 11 руб. 59 коп. и 12 руб. 90 коп. Тяжелым грузом давили на крестьянское хозяйство недоимки прежних лет, составлявшие по губерниям от 112,7 до 188,9 % оклада 1900 г.²

Современники обращали внимание на такую несправедливую особенность налогообложения: чем меньший надел имеют крестьяне, тем большая сумма налогов и податей приходилась на десятину. Происходило это оттого, что при определении оброка и затем при капитализации его для выкупа, первая десятинная, на которой располагались усадьба и огород, цени-

¹ Свавицкая З.М., Свавицкий Н.А. Земские подворные переписи 1880–1913: Поездные итоги. М., 1926. С. 30–31.

² Шванебах П.Х. Наше податное дело. СПб., 1903. С. 143.

лась дороже, чем остальные. По оценкам Д.И. Воейкова, в Елецком уезде Орловской губернии бывшие государственные крестьяне, получившие в целом больше земли, с одной десятины вносили в среднем 2 руб. 56 коп. всех платежей, а бывшие помещичьи крестьяне – 3 руб. 87 коп. (собственники) и 4 руб. 8 коп. (временнообязанные). Учитывая, что доходность десятины пашни составляла по уезду 5–15 руб., то становятся вполне понятными те трудности, с которыми сталкивались многие крестьяне, уплачивая налоги. «Можно признать, – писал в 1881 г. Д.И. Воейков, – что во всех деревнях с наделом менее 1,5 десятин на каждую душу при урожае несколько ниже среднего едва хватает хлеба на прокормление самих крестьян и уцелевшего еще скота. Уплата же податей основывается исключительно на заработках»³. По расчетам податного инспектора Воронежского уезда на десятину ярового и озимого поля крестьянской земли приходилось 4 руб. 55 коп. платежей, а стоимость выращенного на ней зерна оценивалась в среднем в 1895 г. при хорошем урожае в 12 руб. 54 коп.⁴ На основании этого делался вывод, что земля в уезде окупает платежи. При этом не учитывалась стоимость использованного и нового семенного фонда, потребность в продовольствии и фураже, оплата труда, амортизация инвентаря и прочие обстоятельства. Между тем, даже без этих вычетов, платежи составляли значительную величину: более трети возможной цены произведенной продукции.

Переобременение крестьянского хозяйства платежами являлось одной из главных причин, затруднявших ведение крестьянского хозяйства. Бюджетное обследование 176 821 хозяйства 6 уездов Воронежской губернии свидетельствует, что подати составляли в среднем 13,3 % по отношению к сумме денежных годовых доходов, а вместе с недоимкой – 17,3 %. При этом, в безземельных хозяйствах эти показатели равнялись соответственно 1,3 % и 8,5 %, во дворах, имеющих до 5 десятин наделной земли – 6,7 % и 11,5 %, от 5 до 15 десятин – 13,1 % и 17,9 %, от 15 до 25 десятин – 17,6 % и 20,7 %, свыше 25 десятин – 18,2 % и 19,8 %⁵. В среднем, на одно крестьянское хозяйство приходилось 391,3 руб. доходов, в том числе 145,4 руб. денежных поступлений, тогда как податей – 19,3 руб., недоимок – 5,8 руб. Конечно, эти суммы податей не кажутся какими-то чрезвычайными по сравнению со средним уровнем дохода, более внушительными они выглядят в отношении денежных поступлений от земледелия, а также применительно к бедным слоям деревни. При этом представляется весьма существенным мнение А.С. Ермолова, отмечавшего, что «важно тут не абсолютная высота самих сборов, а сама система, время и способы их взимания. Важно не то, что приходится крестьянину уплатить в подати 3–4 рубля с души в год, а то, что для выручки каждого рубля он вынужден бывает продать за рубль то, что стоит два и три рубля, продать не вовремя, не в ту минуту, когда предложение превышает спрос, когда невольную нуждой его в деньгах пользуются разные спекуляторы»⁶.

Согласно бюджетным данным по 230 типическим хозяйствам Воронежской губернии, в структуре денежных расходов подати и повинности составляли в хозяйствах, не имевших рабочего скота, 8,2 %, во дворах с 1 головой рабочего скота – 14,1 %, с 2 головами – 12,2 %, с 3 головами – 11,6 %, с 4 головами – 10,2 %, с 5 головами – 9,0 %, а в среднем по всем хозяйствам – 10,8 %. Отношение сумм, уплачиваемых в качестве налогов и повинностей, к денежному доходу, получаемому исключительно лишь от земледелия, в этих же группах хозяйств равнялось соответственно 370,9 %, 124,3 %, 70,7 %, 39,6 %, 42,4 %, 67,4 %, а средний показатель – 62,6 %⁷. Эти цифры наглядно показывают, насколько важны были для своевременной уплаты налогов доходы от промыслов и продажи скота, пополнявшие денежную часть крестьянских бюджетов. Эти цифры наглядно показывают, насколько важны были для своевременной уплаты налогов доходы от промыслов и продажи скота, пополнявшие денежную часть крестьянских бюджетов. «Влияние на успешное поступление сборов различных промыслов весьма заметно и чувствительно»⁸, – признавали податные инспектора. С точки зрения платежеспособности и благополучия крестьянских хозяйств представлялась крайне желательной возможность получения денежных средств вне хозяйства. Положение крестьянской семьи, даже при средних и небольших размерах землевладения, могло быть вполне обеспеченным, если один–два взрослых

³ Воейков Д.И. Экономическое положение крестьян в черноземных губерниях. СПб., 1881. С. 4.

⁴ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф.573. Оп.25. Д.119. Ч.1. Л.137 об.

⁵ Щербина Ф.А. Крестьянские бюджеты. Воронеж, 1900. С. 284–285.

⁶ Ермолов А.С. Неурожай и народное бедствие. СПб., 1892. С. 157.

⁷ Корневская Н.Н. Бюджетные обследования крестьянских хозяйств в дореволюционной России. М., 1954. С. 122–124.

⁸ РГИА. Ф.573. Оп.25. Д.1185. Л.126.

ее членов имели вненадельные заработки: «деньги на необходимые расходы и уплату податей готовы, самые платежи необременительны, так как земли мало, все продукты, получаемые с надела, идут на прокормление семьи или скота и на сторону продается лишь самый незначительный излишек»⁹.

Сельское население в пореформенный период с трудом справлялось с высоким налогом обложением, поэтому постоянно росли недоимки. Вплоть до конца 1870-х гг. Воронежская и Тамбовская губернии считались более-менее благополучными в податном отношении: процент недоимок хотя и увеличивался, но не превышал 7–8 % оклада. Резкое возрастание недоимок в них началось с начала 1880-х гг., когда их отношение к окладу составило в 1881–1885 гг. в Воронежской губернии 32 %, в Тамбовской губернии – 29 %, в 1886–1890 гг. соответственно по губерниям 42 % и 51 %, в 1891–1895 гг. – 140 % и 125 %, в 1896 г. – 159 % и 93 %, в 1897 г. – 186 % и 137 %, в 1898 г. 185 % и 133 %. В Курской губернии обострение податной ситуации произошло позднее, в 1890-е гг., когда отношение недоимок к окладу колебалось по годам от 47 % до 83 %. Тяжелое положение с уплатой налогов наблюдалось в Орловской губернии, приняв к концу XIX в. чрезвычайные формы. В этой губернии уже в 1871–1875 гг. недоимки составляли 14 % оклада, достигнув в 1881–1885 гг. 60 %, в 1886–1890 гг. 81 %, в 1891–1895 гг. 122 %, в 1896 г. 131 %, в 1897 г. 191 %, в 1898 г. 167 %¹⁰.

Большие трудности с уплатой налогов усугублялись растущими долгами крестьян по продовольственным ссудам. Так, в 1895 г. долги по продовольственным ссудам составили в Воронежской губернии 4 358 тыс. руб.; в Курской губернии – 1 271 тыс. руб.; в Орловской губернии – 1 353 тыс. руб.; в Тамбовской губернии – 1 989 тыс. руб.¹¹ Воронежский губернатор в отчете за 1895 г. указывал: «Общая задолженность крестьян по платежам в хлебозапасные магазины и частным лицам равнялась до 22 миллионов 434 тысяч рублей, что составляет до 70 рублей на каждый крестьянский двор или около 10 рублей на каждую наличную душу населения»¹². Конечно, одним крестьянам справиться даже с продовольственной задолженностью было чрезвычайно трудно.

Практика взыскания налогов с крестьян отличалась жесткостью. Курские земские статистики так описывали порядок и практику сбора налогов: «Взимание казенных и земских платежей возложено на уездную полицию, которая, впрочем, оставляет за собой только надзор за поступлениями и принятие мер взыскания в случае несвоевременного поступления. Непосредственное же собирание этих сборов лежит на волостных и сельских начальствах. ... Для обеспечения безнедоимочного поступления казенных и земских сборов крестьяне каждого общества обязаны круговою порукою, то есть ответственностью всех за каждого. В случае неплатежа некоторыми домохозяевами полицией может быть продано имущество всех членов общества». В то же время общество имеет «право принимать меры побуждения по отношению к неисправным плательщикам; меры эти следующие: отобрание надела, сдача его во временное пользование другому лицу, отдача неплательщика в работники и арест. Если недоимка обусловлена «нерадением к хозяйству» и пьянством, то волостному суду предоставлено право налагать даже телесное наказание и этим правом широко пользуется волостной суд»¹³.

Местные должностные лица, непосредственно занятые сбором налогов, побуждались начальством «к отдаче в работники недоимщиков, к отобранию полевых наделов, к составлению приговоров на опись, оценку и продажу имущества неплательщиков»¹⁴. Орловский губернатор указывал, чтобы земские начальники приступали к взысканию налогов с неплательщиков «немедленно по снятии хлебов с поля, для чего, оставив у домохозяев часть, необходимую для обсеменения полей и прокормления семьи, остальной хлеб подвергали описи»¹⁵. Требуя уплаты податей, власти действовали предельно жестко: выставляли караулы на подступах к

⁹ Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Вып. 19: Курская губерния. СПб., 1903. С.77.

¹⁰ Поленов А.Д. Исследование экономического положения центрально-черноземных губерний. Труды Особого совещания 1899-1901 г. М., 1901. С.7.

¹¹ Головин К. Наша финансовая политика и задачи будущего. СПб., 1899. С.246; Минц Л.Е. Трудовые ресурсы СССР. М., 1975. С.10.

¹² РГИА. Ф.1284. Оп.223. Д.47. Л.4.

¹³ Курская губерния. Итоги статистического исследования (Материалы подворной переписи 1882-1885 гг.). Курск, 1887. С.233-234.

¹⁴ Государственный архив Воронежской области (ГАВО). Ф.И-26. Оп.5. Д.245. Л.164-164об.

¹⁵ Северный вестник. 1893. №8. С.97.

деревням для препровождения возвращающихся с промыслов крестьян к старостам, чтобы сразу же отобрать у них в счет налогов заработанные средства¹⁶, применяли серьезные штрафные санкции к семьям, не сумевшим ликвидировать долги. В одном только 1895 г. в 3 680 селениях Воронежской и Тамбовской губерний были произведены описи имущества недоимщиков по казенным и земским сборам на 21 323 620 руб., а у 20 641 домохозяина произведены продажи движимости и строений на 128 905 руб., кроме того, было зафиксировано 7 793 случая временной конфискации надела¹⁷. Болховское уездное по крестьянским делам присутствие в 1881 г. признавало, что за долги «ежегодно описывается имущество не менее как у половины крестьян всего уезда», но, исходя из того, что, по мнению присутствия, «главная причина неуплаты крестьянами недоимок есть упорство крестьян и желание их оттянуть уплату, а в некоторых случаях бедность их», считало, что «в обоих этих случаях и меры для взыскания недоимок должны быть различны; когда можно предположить упорство крестьян, то единственное средство для взыскания недоимок остается продажа имущества, ибо все остальные меры ... не приведут к цели»¹⁸. С небогатых и бедных крестьян общество в основном «само взыскивает недоимку действительною продажей имущества, отображением земли и по большей части отображением и продажей урожая конопли и пеньки, что с избытком может покрыть не очень запущенную недоимку»¹⁹. Вопрос о тяжести налогового обложения при этом даже не рассматривался. Зато земские деятели Орловской губернии прямо говорили об этом: денежные и натуральные налоги и повинности крестьян, доходящие в среднем до 3 руб. на десятину (в 10 раз больше сбора с землевладельцев), «чрезмерно велики и разорительны. Часто приходится наблюдать, что крестьянин, чтобы уплатить исправно эти налоги, совершенно расстраивает свое хозяйство, продавая необходимые орудия производства (так как, ежели он сам это не сделает, то у него продадут, а иногда даже подвергнут телесному наказанию)»²⁰.

Хотя закон формально не допускал продажи в счет податей и недоимок крестьянской избы, надела, лошади и всего того, что считалось неотъемлемой принадлежностью крестьянского хозяйства, но на практике применялось отбирание наделов и сдача их в аренду в посторонние руки; недоимщиков побуждали, в том числе под угрозой телесных наказаний, закладывать коров и лошадей. Большой вред наносили злоупотребления полицейских чинов, стремившихся отличиться на сборе недоимок. Орловские земцы считали, что «взыскание недоимок без всякой определенной системы, отсутствие охранителей и блюстителей порядка, безнаказанное нарушение закона, развивая в народе смутное понятие о самом законе и власти, не может не отзываться вредно и на его материальном положении»²¹. Получалось так, что не только размеры налогов и повинностей, но и сложившаяся практика их уплаты мешали поступательному развитию крестьянского хозяйства: «самый способ взыскания податей, отличаясь крайнею энергиею без соображения хозяйственных условий времени и места, наносит неизгладимые ущербы крестьянскому благосостоянию. В силу этого, во время взыскания податей крестьяне массами сдают свои наделы для того, чтобы достать нужные деньги»²².

Воронежское земство высказывались за «желательность изменения системы современного податного обложения, при котором земельные имущества облагаются совершенно неуравнительно по сравнению с другими предметами обложения торгового и промышленного характера». Кроме того, предлагалось существенно пересмотреть «порядок взыскания податных сборов с крестьян. Приурочивание взимания этих сборов исключительно на осеннее время вполне неправильно, так как очень обременительно для крестьян, принуждаемых сбывать свои хлебные продукты за бесценок, и всегда отзывается сильным, иногда вполне ненормальным понижением хлебных биржевых цен. Вполне было бы рационально производить эти сборы в течение целого года более равномерно и с понижением этих платежей в тех местностях, где они достигли ненормально высокого уровня сравнительно с настоящей ценностью и доходностью земли»²³.

¹⁶ РГИА. Ф.573. Оп.25. Д.218. Л.214-214об.

¹⁷ Там же. Л.6; Там же. Д.1185. Л.6-7.

¹⁸ Государственный архив Орловской области (ГАОО). Ф.36. Оп.1. Д.699. Л.7-7об.

¹⁹ ГАОО. Ф.36. Оп.1. Д.699. Л.6об.

²⁰ ГАОО. Ф.525. Оп.1. Д.3082. Л.124.

²¹ Там же. Д.51. Л.34об.

²² Очерки по крестьянскому вопросу. Вып.2. М., 1905. С.269.

²³ ГАВО. Ф.И-20. Оп.1. Д.2232. Л.46-46об.

Характерной особенностью налогообложения в России, подмеченной еще современниками, являлось то, что размеры государственных расходов «идут в направлении как раз противоположном платежам населения в казну, то есть чем местность больше платит в казну, тем менее в ней расходуется казною»²⁴. Центрально-черноземные губернии, уплачивая одни из самых значительных в стране налоговых сумм, получали наименьшие государственные расходы, что еще больше усугубляло социально-экономическое положение региона. На местах прекрасно понимали уязвимость и опасность подобной финансовой политики. В докладе председателя Землянской земской управы Воронежской губернии А.Г. Хрущева в январе 1905 г. указывалось, что казна ежегодно получает с Воронежской губернии 18 миллионов рублей, а расходует на ее потребности не более 8 миллионов рублей; это противоречит интересам народа, следовательно, нужно принимать меры для более правильного распределения государственных расходов²⁵.

Угнетенное финансовое положение многих крестьянских хозяйств являлось важнейшей проблемой, препятствующей их развитию. Орловская губернская земская управа в 1876 г. сделала, предварительно запросив мнение уездных управ, однозначный вывод об ухудшении положения значительной части сельского населения: «несомненно, благосостояние крестьян Орловской губернии упадет»²⁶. «Один из существеннейших признаков обеднения крестьян, – считала губернская управа, – это то, что единственный получаемый доход от земли недостаточен на покрытие их расходов, чрез что недоимки на них с каждым годом возрастают»²⁷. Главными причинами подобного упадка крестьянского благосостояния, по мнению управы, являлись: неурожай, семейные разделы, отсутствие кредита, неграмотность, пьянство, общинное землевладение и круговая порука, густота населения и стеснение свободы переселений, истребление лесов, скотские падежи, недостатки правил о найме рабочих, тяжесть налогов, предоставление полиции права взыскания недоимок и отсутствие ее власти как охранителя и блюстителя порядка, отсутствие попечительства над крестьянами²⁸. Бросается в глаза, что многие из названных здесь проблем развития крестьянского хозяйства вызвали в конце XIX – начале XX вв. беспокойство правительства и властей разного уровня, их обсуждали, пытались смягчить или разрешить в рамках проводившейся аграрной политики, в том числе и в период подготовки и проведения столыпинской аграрной реформы.

«Задолженность крестьян правительству и частным лицам чрезвычайная, – отмечалось в 1895 г. в докладе сельскохозяйственной комиссии, принятом Воронежским уездным земским собранием. – Огромное большинство крестьян не только не может погашать сделанных ими долгов, но даже не в состоянии вносить текущих платежей, так что недоимки и другие долги с каждым годом все растут. Подобное положение крестьянского хозяйства произошло от малоземелья. Всякие улучшения современного хозяйства немислимы при этой задолженности. Осенью, при наступлении времени сбора податей, цены на все сельскохозяйственные продукты сильно падают благодаря вынужденным продажам крестьянами своего хлеба для уплаты податей. В этом печальном явлении ужаснее всего то, что крестьяне продают не только избыток своего производства, но также и необходимое для своего продовольствия. Весной же крестьяне покупают тот же хлеб в долг по повышенной, конечно, цене». Комиссия полагала, что вывести крестьянское хозяйство из кризисного состояния можно было «только путем полного уничтожения крестьянской задолженности, для чего требуется не рассрочка, а отсрочка всех крестьянских недоимок до последних лет выкупной операции», кроме того, необходимо было провести «уменьшение выкупных платежей»²⁹. Задонская уездная земская управа отмечала, что многие из накопившихся недоимок «совершенно уже безнадежны к поступлению, было бы весьма желательно в видах улучшения экономического быта большую часть этих недоимок сложить»³⁰. Мысль о том, что чрезвычайная задолженность крестьян являлась главным

²⁴ Бехтеев С.С. Хозяйственные итоги истекшего сорокапятилетия и меры к хозяйственному подъему. СПб., 1902. С.77.

²⁵ См.: Карпачев М.Д. Воронежское земство и аграрные реформы начала XX века // *Общественная жизнь в Центральной России в XVII – начале XX века*: Сб. науч. тр. Воронеж, 2002. С.83.

²⁶ ГАОО. Ф.525. Оп.1. Д.51. Л.22об.

²⁷ Там же.

²⁸ Там же. Л.23-35об.

²⁹ ГАВО. Ф.И-20. Оп.1. Д.2232. Л.42-43.

³⁰ Там же. Л.46об.

препятствием на пути развития и преобразования сельского хозяйства, просматривается в заключениях многих земских учреждений.

При этом не следует абсолютизировать недоимочность крестьянского населения. Податные инспектора отмечали, что в Воронежской губернии в 1894 г. из 2 352 крестьянских селений 446 (19,0 %) не имели недоимок по казенным окладным сборам, в 1895 году из 2 395 – 474 (19,8 %); в Тамбовской губернии соответственно по годам из 4 068 – 1 064 (26,2 %), из 4 075 – 1 470 (36,1 %) ³¹. Безнедоимочные общества были во всех уездах этих губерний, но в разных количествах. Хотя в приводимых цифрах учитывались далеко не все крестьянские налоги и платежи, а только казенный оклад, но все же они подтверждают, что конкретные условия жизни и деятельности крестьян оказывались разнообразными, отличающимися от средних показателей.

Крайне обременительными для крестьян были натуральные повинности: квартирная (предоставление жилых помещений и содержание приезжающих чиновников, урядников, стражников и т.п.), подводная (предоставление разъездных и почтовых лошадей), дорожная (ремонт дорог, мостов и т.п.), воинская, пожарная, несение ночных караулов, служебная (выполнение обязанностей старосты, сотского, десятского). Их объем, форма, сроки реализации определялись местными властями, которые зачастую не учитывали возможностей крестьян. Передко крестьян побуждали оплачивать деньгами эти повинности полностью или частично. Совершенно справедливо сообщалось из Тамбовской губернии, что «особенно расшатывает экономическое положение крестьянина малоземелье в связи с обременительными платежами и повинностями, стоящими в полном несоответствии с его платежными силами» ³².

Обычно при характеристике налогообложения деревни основное внимание уделяется прямым налогам, уплачиваемым крестьянами. Между тем, весьма значительные суммы изымались из бюджетов крестьян в виде косвенных налогов. Учитывая это обстоятельство, современники делали вывод, что «обложение тяжелыми косвенными налогами предметов первой необходимости ... вызвало большое перенапряжение платежных сил страны и явилось могучей причиной упадка благосостояния деревенской России» ³³. Крупными статьями доходов казны являлись: обложение водки, таможенное обложение импортируемых товаров (чай, орудия и средства производства, предметы потребления и прочие товары для сельского хозяйства), налоговое обложение предметов массового потребления (сахар, табак, спички, керосин). Податный инспектор Острогжского уезда Воронежской губернии в отчете за 1895 г. отмечал, что «крестьянин всегда недополучает на хлебах и переплачивает на приобретаемом товаре» ³⁴.

Увеличению крестьянских платежей в пользу государства способствовал так же рост различных пошлин: судебных, канцелярских, гербовых, железнодорожных. Современники обращали внимание на то, что существующие железнодорожные тарифы разоряют сельское хозяйство, демонстрируют явное несоответствие стоимости перевозимых грузов и тарифных ставок на них. Особая комиссия Богучарской уездной земской управы Воронежской губернии докладывала в 1895 г.: «В настоящее время по 1/10 копейки с пуда и версты перевозятся шелковые и бархатные ткани, кружева, драгоценные камни и проч. и рядом с этим крестьянские сапоги, рукавицы, телеги и сани в разобранном виде и живые поросята. ... За перевозку 305 пудов хлопка в вагоне на расстояние в 1 400 верст уплачивается 88 рублей 44 копейки, что составит за пуд 22,5 копейки, за перевозку же на то же расстояние овец, 60 штук в вагоне, весом 240 пудов, уплачивается 142 рубля 20 копеек, или за пуд 60 копеек. А за перевозку вагона телят, весом в 216 пудов, уплачивается 170 рублей 64 копейки, или 79 копейки за каждый пуд живого веса, то есть за перевоз пуда хлопка, стоящего 8 рублей, уплачивается 29 копеек, а за перевозку одного пуда живого веса телят, стоящего 2 рубля, уплачивается 79 копеек» ³⁵. Как видим, и в этом вопросе интересы сельского хозяйства и крестьянства центральной России оказывались ущемленными.

Складывалась парадоксальная ситуация, когда в условиях обострения аграрных проблем, значительного роста крестьянской задолженности, признавая «оскудение» центральных аграр-

³¹ РГИА. Ф.573. Оп.25. Д.218. Л.30б.-5; Там же. Д.1185. Л.30б.-5.

³² Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Вып. 41: Тамбовская губерния. СПб., 1903. С.43.

³³ Бехтеев С.С. Хозяйственные итоги истекшего сорокапятилетия и меры к хозяйственному подъему. СПб., 1902. С.213.

³⁴ РГИА. Ф.573. Оп.25. Д.218. Л.247об.

³⁵ ГАВО. Ф.И-20. Оп.1. Д.2232. Л.108-108об.

ных районов, власти не только не оказывали финансовой поддержки крестьянскому хозяйству, а, наоборот, облагали крестьянство высокими, постоянно увеличивавшимися налогами и повинностями. Современники хорошо осознавали ущербность подобной финансово-экономической политики. Земский гласный из Орловской губернии Ф.А. Деревницкий писал в докладе 1895 г.: «Так как страна наша земледельческая и большая часть населения занимается и живет, так или иначе участвуя в этой промышленности, то все налоги прямые и косвенные перелаживаются на сельскохозяйственную промышленность... Покровительство заводской и фабричной промышленности, при настоящем экономическом строе, угнетает сельскохозяйственную промышленность и разоряет нашу страну; если принять во внимание, что каждый из нас принужден покупать по высокой цене произведения нашей фабричной промышленности неудовлетворительного качества и прочности, приобретать машины и орудия часто совсем негодные, то в итоге наше государственное хозяйство платит грандиозные суммы для поддержания фабричной промышленности, которая при отсутствии конкуренции, несмотря на все жертвы, все-таки делает весьма слабые успехи»³⁶. Схожие мысли высказывал Ф.А. Щербина: «Казалось бы, что в России, как стране чисто земледельческой, краеугольным камнем дальнейшего экономического развития следовало бы положить исключительно интересы земледелия и сельского хозяйства. И, однако, на деле ничего этого не случилось, и вышло как раз наоборот: земледелие было принесено в жертву всему, что можно было развить на счет его средств и истощения естественных богатств, – и железным дорогам, и банкам, и торговле, и фабричному производству, и заводской промышленности... Между тем как любимыми детищами попеременно у нас были то банки, то железные дороги, то крупная индустрия и торговля, – земледелие всегда считалось пасынком, в пользу которого ничего почти не делалось, но на средства которого воспитывались и развивались эти детища»³⁷. В таких экономических условиях рассчитывать на быстрый прогресс в сельском хозяйстве было невозможно, и винить в этом крестьян, их жизненный и производственный уклад было бы несправедливо. В формировавшейся модели российской экономики аграрному сектору отводилась второстепенная роль, основные усилия направлялись на форсированное развитие промышленности, используя для этого в качестве важнейшего источника доходы от сельского хозяйства. Одним из последствий такой политики являлось настороженное отношение крестьян к власти. Знакомство с воронежскими крестьянами позволило Н.М. Астыреву написать, что это «люди, всем складом своей жизни убежденные, что в каждом эксперименте, над ними совершаемом, в каждой попытке участия в их личных или общественных делах кроется какой-нибудь подвох, какое-нибудь посягательство на их тощий кошелек»³⁸.

Итак, высокое налогообложение относилось к числу важных факторов, тормозивших развитие крестьянского хозяйства. Для уплаты налогов крестьяне принуждались продавать произведенную продукцию, прежде всего хлеб и нерабочий скот, не дожидаясь выгодных цен, утрачивая часть продовольственного и семенного фонда. Тяжесть налагаемых на крестьян налогов и повинностей заключалась в «несоответствии размера подачей платежным средствам населения»³⁹. «Чрезмерная задолженность и отсутствие необходимых средств для дальнейшего развития»⁴⁰ являлись важными характеристиками состояния крестьянского хозяйства Центрального Черноземья в конце XIX в.

TAXES, SCOTS AND LOTS AND PAYMENTS OF THE PEASANT ECONOMIES OF THE BLACK SOIL REGION AT THE POST-REFORM PERIOD

A.V. PEREPELICIN

*Voronezh State
Pedagogic University*

The level of the taxing of the peasant economies of the Voronezh, Kursk, Orel, and Tambov oblast's is at the 60-s-90-s of the XIX century analyzed in an paper. The structure, sizes, practice of the taxes receiving, the under-payments scales are depicted? Peasant economies development action of the tax police influence is estimated.

Key words: peasant economy, taxes, debts, payments, tax debts.

³⁶ ГАОО. Ф.525. Оп.1. Д.3082. Л.122-1220б.

³⁷ Памятная книжка Воронежской губернии на 1899 год. Воронеж, 1899. С.7, 9.

³⁸ Астырев Н. В волостных писарях. Очерки крестьянского самоуправления. М., 1886. С.90.

³⁹ Бехтеев С.С. Хозяйственные итоги истекшего сорокапятилетия и меры к хозяйственному подъему. СПб., 1902.С.195.

⁴⁰ ГАВО. Ф.И-20. Оп.1. Д.2232. Л.145.